«А ЗА ЧАСТУШКУ ЕГО УВЕЗЛИ»: ПАМЯТЬ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И РЕПРЕССИЯХ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА КОМЕЛИНА[1]

✉ KOMLNG@MAIL.RU

[1] Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:
Комелина, Н. Г. (2020). «А за частушку его увезли»: память о политическом фольклоре и репрессиях в северной деревне. *Фольклор и антропология города*, *III*(3–4), 142–157. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-142-157.

Сюжет этого очерка подсказан полевыми материалами. В центре нашего внимания будут устные рассказы вокруг истории, начало которой было положено исполнением частушки, выражающей недовольство коллективизацией. В статье будут рассмотрены политические частушки в советской деревне 1920-х — 1930-х годов. В эти годы интерес к ним возрос как со стороны исследователей и публицистов, так и со стороны советских репрессивных органов. В статье описан случай политического преследования за исполнение частушки в соседних деревнях, расположенных на Зимнем берегу Белого моря, Ручьи и Мегра. Случай этот произошел в 1938 году. На сенокосе мужчина и женщина исполнили антиколхозную частушку: «Шла корова по угору, / Слезы капали на нос. / Обманул товарищ Сталин, / Не пойдем больше в колхоз». Мужчину осудили на десять лет исправительно-трудовых лагерей, и домой он не вернулся. Женщина, которая вместе с ним пела частушку, была оправдана. В статье использованы архивные материалы, полевые интервью с родственниками и соседями пострадавших, мемуары сына репрессированного и статьи мезенского журналиста Сергея Доморощенова. Если предположить, что локальная память об истории репрессии за исполнение политического фольклора была инспирирована или, по крайней мере, оживлена и легитимирована журналистскими публикациями Доморощенова, то надо заметить, что жители двух деревень вычитали в них разное. Версия о доносительстве женщины, хорошо усвоенная жителями Мегры, где жил мужчина, ни разу не была зафиксирована нами в Ручьях: в родной деревне женщины о ней сохраняют добрую память и рассказывают, как о безвинно пострадавшей «за частушку».

Ключевые слова: частушка, политический фольклор, репрессии, память.

Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

"And he was taken away for a ditty": Memory about political folklore and repressions in a Northern village

Natalia G. Komelina[1]

✉ komlng@mail.ru

[1] Institute for Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences Saint Petersburg, Russia

To cite:
Komelina, N. (2020). "And he was taken away for a ditty": Memory about political folklore and repressions in a Northern village. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(3–4), 142–157. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-142-157. (In Russian).

This essay is based on fieldwork and dwells on oral narratives about the performance of an anti-collectivization ditty. It will unfold on the political ditty in the 1920s — 1930s Soviet village. That era saw the rising interest in political ditty both among scholars and journalists and among Soviet repressive organs. The paper is focused upon a certain case of political prosecution for a performance of a ditty in neighboring villages (Ruchyi and Megra) of the White Sea Zimny Bereg (the Winter Coast) region. The case took place in 1938, when at haymaking a man and a woman performed an anti-kolkhoz ditty: "Cow was walking up a hill, / Tears were dripping on her nose, / Comrade Stalin has deceived us, / We are quitting the kolkhoz" (Shla korova po ugoru, / Slezy kapali na nos. / Obmanul tovarisch Stalin, / Ne pojdem bol'she v kolhoz). The man was sentenced to 10 years of labor camps and never returned home. The woman who performed the ditty with him was acquitted. The paper deals with archive materials, interviews with the relatives and neighbors of the persecution victims, the memoirs of the purged man's son, a journalist from Mezen' by the name of Sergei Domoroschenov. Even under the assumption that the local memory of persecution for the performance of political folklore was inspired or at least reinforced and legitimized by Sergei Domoroschenov's publications, the people in the two villages interpreted this memory in different ways. In Megra, where the condemned man used to live, the woman was said to having had reported the case to the authorities, while this version is absent in oral narratives recorded in Ruchyi, the home village of the persecuted woman, where she is remembered as a good person who was falsely indicted "for a ditty".

Keywords: ditty, chastushka, political folklore, state persecution, memory.

Сюжет этого очерка, как часто бывает, подсказан полевыми материалами. В центре нашего внимания будут устные рассказы вокруг истории, начало которой было положено исполнением частушки, выражающей недовольство коллективизацией. Прежде скажем несколько слов о политических частушках в советской деревне 1920–1930-х годов и об интересе к ним как со стороны исследователей и публицистов, так и со стороны советских репрессивных органов.

Как известно, частушка как жанр фольклора была замечена в конце XIX века. В это время происходила бурная дискуссия вокруг так называемых новых песен, которым приписывалось городское происхождение и вытеснение «истинно народных» песен из репертуара деревни. Подробно эту полемику описал М. Л. Лурье, в заключение своей статьи он пишет: «Что касается частушек, то они ‹…› уже к 1910-м годам были полностью легитимированы фольклористикой в качестве одной из форм крестьянского фольклора и перестали ассоциироваться с фабрикой и городом, что во многом было

результатом все той же дискуссии об отношении к новым песням» [Лурье 2011: 138]. Б. А. Розенфельд, отмечая, что «первые исследователи частушки сочли ее совершенно новой формой, привнесенной в деревню извне, влиянием города и фабрики и в этих последних зародившейся», предлагает объяснять причисление частушек к «новым песням» не новизной формы, а постоянным обновлением содержания: «Частушка не нова, как особая форма, но большинство собираемых текстов ново: это новая поэзия в своей массе» [Розенфельд 1929: 177].

Именно это свойство частушки — динамичность, постоянное обновление текстов — во многом определяло привлекательность этого жанра как для фольклористов, так и для публицистов. В частушке ценили и часто подчеркивали ее способность «живо откликаться» на текущие события и процессы, в том числе политические, что сообщало ей особую ценность в эпоху социальных потрясений. Имея в виду прежде всего (хотя и не исключительно) частушку, братья Ю. М. и Б. М. Соколовы в руководстве для собирания фольклора писали, что «устная словесность может быть рассматриваема как живая поэтическая летопись быстротекущей жизни» [Соколовы 1926: 13], а Д. К. Зеленин в статье, специально посвященной частушке, замечал: «Последние годы были временем бурного расцвета частушки, которая благодаря своей краткости и эфемерности содержания, очевидно, лучше всего отвечает условиям и потребностям революционного времени» [Зеленин 1999 (1925): 459].

В 1920-е годы политические частушки активно записывали фольклористы и многочисленные собиратели-энтузиасты. В первое послереволюционное время многие воспринимали их как «музыку улиц», которую следует внимательно слушать и фиксировать. В статье «Фельетон деревни» Натан Венгеров выразил свою мысль вполне поэтически: «Частушка — своеобразная музыка жизни. Современная частушка — своеобразная музыка революции. Я уже слышу: — А это (приводится нецензурное) тоже музыка жизни? Обязательно. — А это (приводится подлинная контрреволюционная брань) тоже музыка революции? Обязательно» [Венгеров 1922: 23].

В 1920–1930-е годы в ходу было мнение, что политическая частушка — городское явление, испытавшее влияние фольклора, распространенного на фронтах Первой мировой и Гражданской войн [Войтоловский 1918, 11 ноября, см. также: Фахретдинов 2014]. Сходного представления придерживался и Н. Е. Ончуков, указывавший на пропагандистский и «искусственный» характер большой части политического фольклора того времени. Он писал, что «подобная литература» (то есть искусственно созданный фольклор) «не прекращалась и во время Гражданской войны в разных станах: и в Советской России, и у Колчака[1], и у Деникина; печатались легенды, песни, частушки и пр. Беда только в том, что некоторая часть этого рода материала была не устным творчеством и отнюдь не народным, а писалась в редакциях сотрудниками газет всех лагерей и служила целями не науки, а публицистики и политической пропаганды» [Ончуков 1925: 272]. Б. И. Ярхо, анализируя тропы и другие средства поэтической выразительности, используемые в частушках, в работе 1935 года (которая не была опубликована при его жизни) также отмечал, что «общественно-политическая частушка, естественно, находится под более интенсивным влиянием книги, чем остальные виды» и делает вывод, что любовная частушка по своей природе традиционнее, а общественно-политическая — прогрессивнее [Ярхо 1984: 167].

[1] Н. Е. Ончуков знал об этом не понаслышке, поскольку сам сотрудничал в колчаковской периодике, с чем впоследствии был связан его арест и ссылка.

Между тем факт широкого бытования политических частушек в советской деревне в 1920-е годы не вызывает сомнения и подтверждается многочисленными свидетельствами и материалами[2].

В. В. Стратен в статье «Творчество городской улицы» писал: «В современной деревне процент мужских частушек, надо полагать, увеличился, так как в создании политических частушек участвует в более значительной степени мужская половина деревенской молодежи» [Стратен 1927: 157].

О распространении политических частушек в деревне, вооружившись подсчетами, писал и Ф. Малов в статье «Частушка в цифрах». В 1919–1925 годы в нескольких селах и деревнях Нижегородской, Костромской, Вятской и Казанской губерний он записал 2100 частушек, из которых 25,2%, по его данным, приходится на «творчество, порожденное революцией». Такую политическую активность жанра Малов объясняет тем, что «в первые годы праздничные гуляния молодежи скорее походили на собрания и диспуты, чем на обычное порожнее времяпрепровождение. Преобладающее большинство частушек, идеологически отрицательно воспринимавших современность, объясняется временем записи поэтического материала (1919–1923 года), когда в деревне происходил кризис экономический и культурный. В 1919 году положительных было только 4% — из всего частушечного материала о Революции, в 1920–1923 годах их уже 10%, а в 1923–1925 годах их уже около 44%» [Малов 1927: 44–45].

Материалы сайта «Прожито» позволяют увидеть и некоторые контексты бытования и записи политических, в том числе «антисоветских», частушек в 1920-е годы, зафиксированные в личных дневниках этой эпохи, причем чаще всего речь идет именно о политических частушках. Среди таких записей встречаются деревенские тексты и зарисовки бытования политических частушек в крестьянской среде. В дневнике 1920–1930-х годов московского преподавателя Николая Михайловича Мендельсона регулярно фиксируется политический фольклор — анекдоты и частушки. Процитирую запись от 16 июня 1920 года.

> Сегодня в Музее был один Бронницкий крестьянин, певец и знаток большой народных песен. Бывал он и раньше, при Б. М. Соколове. Не из приятных в общем. Между прочим, сообщил две частушки (ими он не интересуется):
>
> 1. Пошла бы я плясать,
> На полу стеклянка.
> Мой муж коммунист,
> А я спекулянтка.
>
> 2. Сидит Ленин на заборе,
> Держит серп и молоток,
> А его хозяин Троцкий
> Бежит с фронта без порток[3].

[2] В опубликованных сборниках частушек первой половины 1920-х годов встречаются не только отдельные тексты, но и целые разделы с политическими частушками, в том числе «кулацкими», см., например: [Семеновский 1921, Жаров 1923, Князев 1924]. До определенного момента публикация такого фольклора была возможна, а его фиксация считалась важной для получения объективной картины «народных настроений». Из тех же соображений собиратели-любители в эти годы тоже часто записывали и включали в свои собрания тексты, которые несколькими годами позже были бы квалифицированы как «контрреволюционные», см., например, три коллекции частушек в недавно вышедшем сборнике «Фольклор без фольклористов», в частности раздел «Политические и общественно-бытовые» в собрании А. Каменева [Лурье 2019: 334–338]. Начиная с 1990-х годов появилось много публикаций, в которых представлены записи политических частушек раннего советского периода из архивных источников, см., например: [Азбелев 1999, Зеленин 1999, Комелина 2013].

[3] Дневник Николая Мендельсона. Запись от 16 июня 1920 года. [https:/prozhito.org/].

В дневнике Александра Жиркевича, в записи от 30 июня 1922 года, объясняется конкретный повод, приведший к появлению частушки:

> Вчера с А. А. Листовым я совершил еще одну прекрасную экскурсию в Карамзинскую колонию душевнобольных.
> Идя в колонию нижней дорогой, видели, как мужики и бабы, в воде выше колен, вытаскивали из озер, образовавшихся от разлива, корни одного болотного растения, собирали их в мешки. Труд каторжный. Корни сушатся на солнце, на крышах, перемалываются, толкутся в муку, а из муки печется хлеб, и вкусный, и съедобный. ‹...› Собиравшие корни уверяли, что эта еда лучше, чем лебеда. Питание корнями, вытаскиваемыми со дна озер, во многих местах Симбирской губернии распространено давно, с самого начала голода, особенно в Сенгилеевском уезде. Там народ, вымирающий от голода, сложил уже частушку, от которой веет злой иронией по адресу советской власти и насмешкою над горькой судьбою, низводящей человека до положения скота. Вот эта наивно-лирическая поэзия:
>
> Ленин с Троцким дал повадку
> Из озер тащить крупчатку.
>
> Эта народная эпиграмма перекинулась уже и к Симбирску, где я ее впервые слышал. «Голос народа — голос Божий», как говорит старинная русская пословица. И я стараюсь заносить в мои дневники подобные отголоски, доносящиеся до нас, горожан, из вымирающей деревни, в смутной надежде, что в будущем кто-то когда-то, описывая наши нынешние муки, воспользуется для своих летописей и такими материалами, указывающими на то, что мысль народная живет, что русский человек и умирая способен на шутку над своим положением [Жиркевич 2007: 350].

Недовольство коллективизацией, имевшее массовый характер, вызвало к жизни новую волну частушечного творчества в деревне. В русле политики поиска внутренних врагов исполнители антисоветских частушек расценивались как вредители, наряду с теми, кто портил колхозное имущество и саботировал колхозные работы. В заключение одной из статей Артем Веселый писал: «Борьба в деревне продолжается. ‹…› В темноте осенней ночи рука врага чиркает спичку, и через минуту пылает колхозный омет хлеба. Враг использует малейшие наши промахи в многотрудном деле перестройки деревни, мобилизует самые отсталые слои населения, пытается бороться с новью и… частушкой» [Веселый 1935: 153]. Ю. М. Соколов в своем программном докладе в рамках «Дискуссии о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период», состоявшейся в Москве в 1931 году, говорил о необходимости бороться с «кулацкой агитацией в фольклоре, сказывающейся нередко чрезвычайно ярко. Борьба эта должна вестись и средствами самого фольклора, противопоставлением пролетарских песен — песням кулацким» [Дискуссия 1931: 97].

Начиная с конца 1920-х годов исполнение антисоветских частушек расценивалось карательными органами как антисоветская и контрреволюционная деятельность, подобные факты многократно фиксировались в доносах и сводках НКВД. А. С. Архипова и С. Ю. Неклюдов приводят статистические данные по Татарской АССР о наказаниях за исполнение антисоветского фольклора и на их основе приходят к выводам, что «(1) в первой половине 1930-х внимание уделялось скорее частушкам, а во второй половине — анекдотам и частушкам; (2) количество дел за анекдоты и частушки после 1935 года увеличивается, а приговоры становятся все более суровыми» [Архипова, Неклюдов 2010: 93] — от двух лет заключения до высшей меры наказания. М. А. Мельниченко также отмечает, что до середины 1930-х годов, когда случаи репрессий за индивидуальное исполнение антисоветского

фольклора (которое подразумевает анекдот) были еще достаточно редки, наказание за коллективное исполнение частушек было уже вполне распространенной практикой [Мельниченко 2014: 11].

За исполнение частушек антиколхозного содержания наказанию подвергались не только деревенские жители, но и городские уличные музыканты. Так, ленинградского певца Александра Соколова в 1929 году арестовали на Кузнечном рынке за пение куплетов, в частушечной форме описывающих тяжелую жизнь деревни при советской власти, и присудили два месяца принудительных работ. В конспекте своего разговора с исполнителем А. М. Астахова фиксирует его комментарий к этому случаю: «Относит[ельно] антисоветских частушек "Жизнь крестьянина": раза 2 заплатил по 3 р. Так стал делать так: сперва соберу денег, рублей 5, потом пою. Ну а тут раз на комсомольца налетел. Он поднял дело, вот и присудили»[4].

Как пишут А. С. Архипова и А. А. Кирзюк в статье «Границы опасного: советская власть в поисках скрытых транскриптов»: «Если в конце 20-х — начале 30-х анекдоты и другие тексты были нужны власти скорее как источник знаний о "мнении народа", а репрессии за них были избирательны, то во время Большого террора власть начала массово уничтожать разносчиков этого мнения, обвиняя их в контрреволюционной (позже — антисоветской) пропаганде по статье 58-10» [Архипова, Кирзюк 2016: 27]. Авторы статьи считают, что поиски внутренних врагов советской властью являются буквальной реализацией концепции Джеймса Скотта о «скрытых транскриптах», адресованных власти недовольным народом.

Обратившись к документам, можно увидеть ситуации исполнения политических частушек в деревне, повлекшего за собой репрессии, — приведем три случая.

1934: Колхоз им. Ворошилова Шкловского района совершенно не готовится к севу. Председатель колхоза Алданов, председатель ревизионной комиссии Корнейчиков и счетовод Михалюто совместно с кулаками Рубановым, Михейчиковым и другими пьянствуют и разбазаривают колхозное имущество. 17 и 19 декабря указанные лица устроили пьянки, израсходовав на это дело около 80 пуд[ов] колхозного хлеба. Во время пьянки распевали религиозные песни и антисоветские частушки. Возглавлял эту пьянку счетовод колхоза Михалюто [Данилов, Маннинг, Виола 2002: 51].

1936: Юрьевецкий район. В колхозе «Красный льновод» ликвидирована группа антисоветски настроенной молодежи. Арестованы Балахонов А. В., Отроков Е. М. и Аникин А. В. Одной из форм контрреволюционной деятельности этой группы было распевание среди колхозников контрреволюционных частушек, дискредитирующих вождей партии и правительства. Следствием установлено, что такого рода контрреволюционные частушки Балахонов, Отроков и Аникин распевали в колхозе во время работы на льнопункте, а также в бараках среди лесорубов [Данилов, Маннинг, Виола 2002: 898].

1953: Акимов М. Е. (1904 г. р., русский, прежде судим, образование 2 класса, без определенных занятий, Орловская область) 29 мая 1953 года на вокзале станции Орел хулиганил, нецензурно ругался и пел частушку: «Коммунисты просят масло, комсомольцы молока, а им С. отвечает ‹...› сломался у быка». В приговоре отмечалось, что частушка, которую распевал Акимов, по своему содержанию носит анти-

[4] Астахова А. М. Полевой дневник. «Песни уличных певцов Ленинграда» [1931]. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. V. колл. 25, п. 8, № 2, л. 6.

советский характер, так как в ней с исключительным цинизмом высмеиваются комсомол, партия и вождь [Козлов 1999: 171].

Наша история, как было анонсировано, связана с исполнением «антиколхозной» частушки двумя жителями двух соседних поморских деревень, Ручьи и Мегра, расположенных на Зимнем берегу Белого моря, и его последствиями. В июле 1938 года на сенокосе прозвучала следующая частушка:

Шла корова на угору,
Слезы капали на нос.
Обманул товарищ Сталин,
Не пойдем больше в колхоз [Доморощенов 1992: 2].

Эта частушка, по-видимому, имела широкое бытование: она неоднократно фиксировалась фольклористами, известны ее варианты, записанные в различных регионах. Другой вариант, без упоминания имени Сталина, отложился в фольклорном спецхране Пушкинского Дома. Он был записан Л. В. Домановским, вероятно, в 1950–1960-е годы (запись без атрибуции, как и большинство текстов из спецхрана):

Шла корова из колхоза,
Слезы капали на нос.
Хвост по жопу отрубите,
Не пойду больше в колхоз [Комелина 2013: 372]

Известно, что одним из распространенных механизмов создания советских частушек была переделка антисоветских, и наоборот. Н. П. Колпакова в статье «Новая частушка в колхозах Беломорья» приводит частушку, записанную в 1928 году в тех же местах (на Терском берегу Белого моря), в которой можно усмотреть перекличку с нашим текстом:

Ехал трактор по дороге,
К нам в деревню вести вез;
Стройте дружно пятилетку,
Кулакам нельзя в колхоз. [Колпакова 1934: 22]

Существует и очевидно перекликающийся с частушкой анекдотический сюжет о корове, не желающей идти в колхоз:

Едут в машине Сталин, Рузвельт и Черчилль, и вдруг дорогу им преградила корова. Вышел Черчилль и говорит корове: не сойдешь с дороги — прирежу! Корова стоит. Выходит Рузвельт: уйди, мол, животное, а то пристрелю! Корова ни с места. Настала очередь Сталина. Он подошел к скотине, что-то шепнул ей на ухо, и корову словно ветром сдуло с дороги. «Что ты ей сказал?» — спросили Сталина Черчилль и Рузвельт. — «Сказал, что если не уйдешь с дороги, загоню в колхоз», — ответил Сталин [Архипова, Мельниченко 2010, 298; варианты: 296–299; см. также: Мельниченко 2014: 479–480, сюжет 2238С].

Частушку о корове, жалующейся на Сталина, спели Е. В. Кулаков, житель деревни Мегра, и Е. В. Третьякова, жительница соседней деревни Ручьи. Через два года Е. В. Кулаков был арестован, осужден на десять лет и на родину не вернулся. Е. В. Третьякова, вскоре также арестованная, провела в тюрьме около года, после чего возвратилась в свою деревню. Рассказы о том, как «за частушку посадили», мы записывали от жителей Мегры и Ручьев в 2013 году в ходе фольклорной экспедиции Пушкинского Дома в числе прочих, весьма многочисленных историй о репрессированных родственниках и односельчанах.

Помимо полевых записей устных рассказов, которым посвящен настоящий очерк, наш материал составили воспоминания И. Е. Кулакова — сына одного из героев истории, записанные им в 1990-е годы и скопированные нами в той же экспедиции[5], а также материалы следственных дел из Государственного архива Архангельской области[6].

Отдельно следует сказать о еще одном важном источнике — очерках «Обманул товарищ Сталин…» и «Бессонница», принадлежащих перу архангельского журналиста С. Н. Доморощенова, который первым обратил внимание на историю с частушкой о корове, обнаружив в архиве материалы уголовных дел [Доморощенов 1992; 2004]. В них пересказываются и цитируются следственные документы, а также записи разговоров с сыном Е. В. Кулакова и с Е. В. Третьяковой. Публикации С. Н. Доморощенова, по крайней мере одна из которых сперва появилась в областной газете «Правда Севера» [Правда Севера 1990, 11 ноября: 6], а затем была перепечатана в краеведческом сборнике «Ручьевское общество. Страницы истории» [Худовекова, Худовеков 2008: 116–124], не только помогли нам составить более полное представление о тех событиях, но и, с большой вероятностью, могли повлиять на формирование нарративов об этих событиях и их участниках, которые мы впоследствии слышали и записывали от своих информантов.

По всей вероятности, появление в СМИ в конце 1980-х — 1990-е годы многочисленных сюжетов о политических репрессиях сталинских лет актуализировало и циркуляцию в сельской среде нарративов о местных подобных событиях, в то время как в предшествующие десятилетия память о политических репрессиях в своей семье и в своей деревне (как и о политическом фольклоре) существовала здесь латентно. Об этом говорят и сами наши информанты, причем, как следует из этих разговоров, умолчание распространялось не только на тему арестов и репрессий, но и на информацию о «социальном происхождении» ближайших предков, даже если они не пострадали от режима:

> Мы от родителей про наших дедов ничего не слыхали. [Не говорили?] Просто потому что, ну да, боялись, инецкие. Строили как ладьи, богатые были. [Это ваши предки?] Прадеды. О них вообще не вспоминали. Даже и с маминой стороны дед рыбаком ходил. Они добывали наверно много морзверя, рыбы и ходили в Норвегию торговать. И про них тоже ни слова не говорили, что они... мало ли что... Все было так тайно... Все было нельзя. Сейчас, когда на пенсию вышла, сейчас спрашиваю тех, других и тогда только стали узнавать, что было, где было[7].

В 2013 году наши собеседники — жители поморских деревень — все еще открыто и охотно рассказывали истории о репрессиях. В частности, это были истории о раскулачивании:

> У нас один был, как раньше считалось, богатых — Лампеи Ивановны-то дом. Тоже такой же постройки, как у нас. Ну вот они кулаками считались. У нас в деревне только они были кулаки. [А почему их кулаками считали?] У них было свое судно. Зажиточные были. Было свое судно. Они ходили в Норвегию. И их раскулачили, отправили[8], —

[5] Воспоминания И. Е. Кулакова. Рукопись, 1990-е годы. Фотокопия, личный архив Н. Г. Комелиной.

[6] Государственный архив Архангельской области. Ф. 4994, оп. 2, д. 2447. (Материалы дела Е. В. Кулакова.); Государственный архив Архангельской области. Ф. 4994, оп. 2, д. 4863. (Материалы дела Е. В. Третьяковой.)

[7] ХНВ, ж. Дер. Ручьи Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина и Я. В. Нагорная. 18.07.2013.

[8] КНН, м. Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записала А. И. Васкул. 23.07.2013.

или об аресте за «разбазаривание» пойманной рыбы:

> Ивана Клавдиевича увезли. Два килограмма или килограмм сигов продал учительнице, продал или отдал ли. Доложили, увезли. [Тоже тогда же?] Тридцать седьмой, тридцать восьмой год[9].

Ближе к нашему случаю — рассказ о наказании за шутку, прозвучавшую в избушке во время зверобойного промысла:

> Оттуда опеть муж, значит, на зверобойке, мужик пришел (тогды еще жили ведь[10]), горчицы принес, мужик-то и говорит: «Мешите колхозно-то масло». Горчицу. Донесли! Что он высмеивает колхоз. Донесли, да посадили на пожизненно. Участкового мужика[11]. На пожизненно увезли, всё, вот ведь. За каждое слово! За каждое слово![12]

То, что сажали не за дело, а за слово, казалось особенно обидным и несправедливым нашему собеседнику. Схожий нарратив о репрессии за неосторожное высказывание приведен в краеведческом очерке. Василия Алексеевича Юрьева из деревни Ручьи осудили за мрачноватую шутку — также на тему нехватки продовольствия: «“Кирова убили, а мяса нет”, его и арестовали» [Худовекова, Худовеков 2008: 113].

Ожидаемо устные рассказы о местных случаях репрессий не обходили и тему доносов и наговоров, прежде всего когда речь шла о пострадавших от этого родственниках. Так, говоря о репрессиях в Ручьях и Мегре, наши информанты вспомнили случай, произошедший с их родственницей в Койде. Школьник выколол глаза на портрете вождя, и отец, узнав об этом, посоветовал сказать, что его подучила школьная уборщица:

> [КАГ]: Да, эта Лампея Васильевна, она была там уборщицей в школе, и будто бы она подсказала этому парню, и ее репрессировали. [КИИ]: Это в Койде было. И работала уборщицей в школе. А портреты-то эти, Ленина-то, Сталина-то, везде портреты. А в Койду-ту ездили ребята учиться. И вот один парень. Но не один парень-то ехали. Сумел кого-то, я не знаю, которого глаза вычеркать. Стали выяснять. Он упирается. Ну на каникулы и приехали [в Мегру], он отцу сказал. А отец-от ему и сказал: «А ты скажи, что Лампея научила». И все. [И Лампею посадили?] Да. ‹…› Никто не учил, они сами. Отчаянные ребята те были. Парень вот такой[13].

Последняя история возвращает нас к одному из героев истории с частушкой: Л. В. Кулакова, ставшая жертвой навета, — не только тетка одного из рассказчиков, но и родная сестра Е. В. Кулакова, исполнившего злосчастную частушку.

Это был не первый и не последний случай репрессий в семье Кулаковых. Отец Е. В. Кулакова — В. И. Кулаков — служил на фрегате «Герцог Эдинбургский» (в семье хранится матросская ленточка от бескозырки с этим названием) и был денщиком, по-видимому, у кого-то из высокопоставленных офицеров, и хранил его портрет, который впоследствии уничтожил.

[9] КНН, м. Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записала А. И. Васкул. 23.07.2013.

[10] На зверобойный промысел (добыча гренландского тюленя) съезжались зверобои из нескольких соседних деревень и ожидали отправки к месту лежбища тюленей в промысловых «избушках».

[11] Участок — территория, на которой одной бригадой осуществлялась промысловая деятельность, колхозная тоня на берегу моря. Возможно, слово «участковый» имело смысл, равный «бригадир».

[12] КАГ, ж., 1933 (невестка Е. В. Кулакова). Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина и А. Ю. Балакин. 23.07.2013.

[13] КАГ, ж., 1933 (невестка Е. В. Кулакова), КИИ, 1961 г. (внук Е. В. Кулакова, сын А. Г. Кулаковой). Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина и А. Ю. Балакин. 23.07.2013.

[КАГ]: Ведь власть была такая: за иконы-то, наверное, притесняли. Везде висел Ленин да Маркс. И у нас в старом доме ничего не висело, чтобы не репрессировали. Мы специально повесили. Карл Маркс висел, помню. И Ленин висел. [КИИ]: Да, портрет повесили. [КАГ]: А вот эти вот князья, с которыми ходил по морям мой прадед. Так он их сжег портреты, чтобы не упекли в тюрьму[14].

Уничтожение портретов представителей угнетательского класса не спасло В. И. Кулакова и его детей от материальных и политических претензий со стороны власти и односельчан. В своих воспоминаниях его внук пишет:

Кулаков у нас в Мегре не было, но были середняки, мы относились к середнякам с+ (зажиточникам), отец наш Е. В. в колхоз не вступил, уехал в Мурманск, плавал 7 лет на судах («Смольном»)[15]. По этому принципу налаживали «твердый налог», поэтому нас ограбили 1934–36, хотя по социальному происхождению это было противозаконно, и опять же этот перегиб был со стороны Юрьева Василия Ив[ановича] (Кривушкин) и его прихвостней, другое дело «Коллективизация». Там брали лошадей, сани, повозки, сбрую, амбары под конюшни и снасть (лодки зверобойные) и карбаса, но сельское хозяйство коллективизировали в 1938 году[16].

Можно предположить, что исполнение Е. В. Кулаковым «антиколхозной» частушки на сенокосе летом 1938 года не было случайностью.

Между тем из тех же записок Ивана Ефимовича следует, что отец был обвинен не только в исполнении частушки, но прежде всего — в критике власти:

Отца репрессировали (забрали) с 3 февраля на 4-е 1941 года за то, что он был недоволен войной с финнами 1939–1940 г[одов] (говорил об этом на Инцах (кустарка) во время зверобойки) и другими недостатками в нашем руководстве, знал и частушку, которую слышал в Мурманске (но не пел)[17].

В обвинительном заключении по следственному делу Е. В. Кулакова № 26093, составленном 31 марта 1941 года, также приводится целый перечень его преступлений:

Обвиняется Кулаков Ефим Васильевич, 1894 года рождения, урож. дер. Мегра Ручьевского с/с Мезенского р-на Архангельской области, из крестьян, русский, гр-н СССР, грамотный, беспартийный, в 1919 г[оду] служил в белой армии Миллера. До ареста проживал в дер. Мегра Мезенского района в том, что среди колхозни-

[14] КАГ, ж., 1933 (невестка Е. В. Кулакова), КИИ, 1961 (внук Е. В. Кулакова, сын А. Г. Кулаковой). Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина и А. Ю. Балакин. 23.07.2013.

[15] Многие зажиточные поморы в конце 1920-х годов уезжали в Архангельск и Мурманск. Например, братья известной сказительницы Марфы Семеновны Крюковой Зосим и Иван из соседней деревни Зимней Золотицы были лишены избирательных прав и, как и Е. В. Кулаков, уехали «капитанить».

[16] Воспоминания И. Е. Кулакова. Рукопись, 1990-е годы. Фотокопия, личный архив Н. Г. Комелиной. Повествование Ивана Ефимовича об «ограблении» семьи более развернуто и богато деталями в изложении Доморощенова: «Нас ограбили крепко, хотя мы не были кулаками, а считались середняками. Унесли мебель (стулья венские, комод), одни лавки оставили да диван, на который дед как сел, так и не встал, чтобы не взяли. Забрали и лодку зверобойную, снасти, повозку. Часы настольные, незавидную шкатулку со звоном — тоже не оставили. Те пьяницы, которые отбирали, что-то себе оставили, что-то в колхоз сдали» [Доморощенов 1992]. Доморощенов беседовал с Кулаковым в начале 1990-х годов. Сын мемуариста так рассказывал нам об их разговоре: «Приходил, разговаривали, они там ушли в прихожую и там разговаривали. Другая комната. Там телевизор, не знаю, о чем там они говорили. Ну они тут долго-долго разговаривали. Потом написали, написал» (КИИ, 1961, внук Е. В. Кулакова, сын А. Г. Кулаковой). Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина, А. Ю. Балакин. 23.07.2013. Можно предположить, что заинтересованные и подробные расспросы журналиста, а возможно, и его совет взяться за перо подтолкнули И. Кулакова к тому, чтобы изложить свои воспоминания на бумаге.

[17] Воспоминания И. Е. Кулакова. Рукопись, 1990-е годы. Фотокопия, личный архив Н. Г. Комелиной.

ков систематически вел антисоветскую агитацию, распространял контрреволюционные клеветнические измышления о положении трудящихся в СССР, восхвалял капиталистический строй, пел цинично-оскорбительные частушки по адресу вождя ВКП/б/ и колхозного строя, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58. П. 10. Ч. 1. УК РСФСР[18].

В приговоре судебной коллегии от 15 декабря 1941 года сообщается, что Е. В. Кулаков приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ НКВД[19]. Таким образом, следствие, а затем и суд инкриминировали Е. В. Кулакову целый букет дискредитирующих строй и власть поступков. Между тем единственным упоминаемым в рассказах жителей Ручьев и Мегры пунктом обвинения остается исполнение той самой частушки. Именно тот эпизод упоминается и в мемуарах сына Е. В. Кулакова, и в рассказах родственников и соседей:

А что-то было. С Ефимом-то. А за частушку его увезли. Он частушку какую-то спел, и женщина с Ручьев там как-то сообщила кегебистам-то, и его увезли. И вроде все, с концами он уехал-то. И умер там, наверное, где-то. Он частушку какую-то спел. Старенькие-то помнят. [Про Сталина?] Нет. Так, какую-то. Про власть, что-то такое. Ну даже и политического ничего нет, но вот увезли[20].

Так раньше ведь садили за каждое слово. За каждое слово садили людей в тюрьму. За каждое слово ведь. Вот и его за частушку. На сенокосе. Ему было сорок лет. А может, больше. Я уже не помню. Тогда его посадили. ‹…› [А за какую частушку-то его посадили?] Шла корова по угору, слезы капали на нос, обманил товарищ Сталин, не пойдем больше в колхоз. Спел на сенокосе. Женщине понравилась. Вот и она стала ее петь. Его и женщину посадили. Но женщину ту выпустили. Два года она, наверное, просидела. А его все, на пожизненное. ‹…› Лампия, Лампия. Лампиюшкой звали все. Лампиюшкой. Лампия. А отчество забыла. Вот-вот. Тоже посадили. Вот он спел. И она стала. Поет и поет. Посадили[21].

Забрали его, увезли, да все из-за частушки. А бабушка-то ведь говорила, как 3-го февраля было дело. Маленькие были, на полу спали, кухни. Ну, ночью приехали да забрали, даже проститься, говорит, не дали. Проститься, говорит, не дали. Забрали, все, увезли. [А откуда приехали?] Какая милиция ли, кто ли, не знаю. С Мезени ли, что ли. Наверное, с Мезени. Увезли, и все. В феврале ночью. И все вот из-за этой частушки[22].

В записках И. Кулакова назван и человек, который, как предполагает мемуарист, написал донос на его отца:

[18] Государственный архив Архангельской области. Ф. 4994, оп. 2, д. 2447. (Материалы дела Е. В. Кулакова.)

[19] Государственный архив Архангельской области. Ф. 4994, оп. 2, д. 2447. (Материалы дела Е. В. Кулакова.)

[20] КНН, м. Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записала А. И. Васкул. 23.07.2013.

[21] КАГ, 1933 (невестка Е. В. Кулакова). Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина и А. Ю. Балакин. 23.07.2013.

[22] КАГ, 1933 (невестка Е. В. Кулакова). Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записали Н. Г. Комелина и А. Ю. Балакин. 23.07.2013. Заметим, что картина ареста из последнего фрагмента, сопровождаемая ссылкой на бабушкины рассказы, близка описанию из очерка Сергея Доморощенова «Обманул товарищ Сталин…», где журналист цитирует рассказ сына Ефима Васильевича: «Отца арестовали. На другой день пришел я в школу — очень меня учителя жалели. Отцу с матерью попрощаться толком не дали. Мы, все шестеро не спали, видели, как энкеведешник ногой топнул: некогда, мол! Так и увели отца в день рождения матери» [Доморощенов 1992]. В рукописной версии мемуаров Иван Ефимович сообщает об аресте без подробностей: «Отца репрессировали (забрали) с 3 февраля на 4-е 1941 года» [Воспоминания И. Е. Кулакова. Рукопись, 1990-е годы. Фотокопия, личный архив Н. Г. Комелиной].

> А враги и завистники у него были. И главный из них Юрьев Андрей Яковлевич (Верес дикой) написал всю чепуху на отца, за то, что отец не дал ему хлеба (на Инцах), была тогда норма (война с финнами), а отцу хлеб давали золотицана[23] (Инцы тогда были под ее опекой)[24].

Однако устное хождение имеет другая версия, согласно которой Е. В. Кулаков пострадал от руки другой репрессированной за исполнение той же частушки про Сталина и корову. Е. В. Третьякова родилась в 1901 году (по другой версии — в 1905 году) в деревне Ручьи в зажиточной семье и вышла замуж в соседнюю Мегру. Муж погиб на финской войне, детей не было, Е. В. Третьякова переехала обратно в родную деревню и всю жизнь прожила в Ручьях. Работала на ледоколе «Дежнев», нянчила детей у соседей. В другом очерке — «Бессонница», посвященном Е. В. Третьяковой, — Сергей Доморощенов рассказывает о ней с теплотой, говорит о ее жизни, лишениях, остром языке и таланте исполнительницы. Переходя к истории с роковой частушкой, журналист пишет:

> В начале 1941 года за эту частушку арестовали 47-летнего мужика из Мегры. Причем, если и спел он эти строчки, то еще летом 1938 года, на сенокосе. Правда, ему еще некоторые «контрреволюционные» высказывания припомнили. А когда под Москвой вовсю шли бои с немцами, арестовали и Лампею. Следствие стало выяснять, кто от кого слышал частушку «антисоветского содержания, дискредитировавшую одного из членов правительства». ‹...› Дело кончилось тем, что Лампею выпустили в декабре 1942 года, а мужика загнали в лагеря на 10 лет, где он и сгинул. Лампея и ее односельчанин показывали друг на друга: дескать, вот от кого частушка услышана. От авторства оба отказывались: мол, кто-то привез ее в деревню. В конце концов, виновными признали обоих. Но так как за мужиком тянулся хвост и других «преступлений» (восхвалял-де царский строй, клеветал на положение колхозного крестьянства), то и не вышел он на свободу. А действия Лампеи назвали «единичными, совершенными в силу несознательности и малограмотности». Видимо, был в этой истории ее грех, недаром она мне об этом совсем ничего не рассказывала и уходила в сторону от моих осторожных вопросов. А узнал я о случившемся из дел НКВД [Доморощенов 2004].

Знакомый с материалами следствия, журналист прямо не говорит о доносительстве Лампеи, но, очевидно ей симпатизируя, предполагает ее возможный «грех». Если обратиться к документам, то картина несколько проясняется. Первоначально Третьякову приговорили по статье 58.10 ч. 2 к семи годам лишения свободы со следующим обвинительным заключением (от 7 апреля 1942 года):

> Третьякова Евлампия Вячеславовна, 1905 г. р., урожен. д. Ручьи Мезенского района Архангельской области, из крестьян-бедняков, русская гр-ка СССР, б/п, малограмотная, не судимая. До ареста работала в Ручьевском колхозе, проживала в д. Мегра Мезенского района, муж и три брата служат в РККА, обвиняется в том, что среди населения распространяла частушки контрреволюционного

[23] То есть «золотичане» — жители деревни Зимняя Золотица.

[24] Воспоминания И. Е. Кулакова. Рукопись, 1990-е годы. Фотокопия, личный архив Н. Г. Комелиной. Автор воспоминаний дополнительно персонализирует предполагаемого доносчика с помощью альтернативного, «сниженного» имени — деревенского прозвища. Традиция прозвищ характерна для этих мест, где односельчане часто являются и однофамильцами — как, например, Кулаковы в Мегре. Тот же прием Иван Кулаков использовал и в приведенном ранее фрагменте, говоря о человеке, который участвовал в «ограблении» — незаконном и несправедливом раскулачивании семьи Е. В. Кулакова и его отца.

содержания, направленные на дискредитацию вождя коммунистической партии и советского правительства[25].

Согласно архивным документам, осужденная написала жалобу, приговор был отменен, и срок следствия продлен. В постановлении от 15 сентября 1942 года предписывается «допросить свидетелей…[26], а также провести очные ставки обвиняемой Третьяковой со свидетелями… и установить, являлась ли действительно Третьякова распространителем контрреволюционных частушек, или же она была только заявителем для принятия мер по отношению Кулакова Е. В., распространяющего эти частушки». Однако очные ставки и допросы свидетелей не состоялись «из-за погодных условий». Срок содержания Третьяковой под стражей продлевался, пока постановлением от 23 декабря 1942 года дело не было прекращено. В соответствующем постановлении говорится:

Принимая во внимание, что распространение частушек к-р содержания со стороны обв. Третьяковой не носило систематического характера и произведено ею не с контрреволюционным умыслом, а в силу своей несознательности и малограмотности, кроме того, с момента совершения данного преступления обв. Третьяковой других фактов к-р деятельности за ней следствием не установлено, и что привлечение ее к уголовной ответственности в настоящее время является нецелесообразным[27].

Формулировка «или же она была только заявителем для принятия мер по отношению Кулакова Е. В.» указывает на то, что догадки журналиста о роли Е. В. Третьяковой «в этой истории» не были беспочвенными (в то время как «семейная» версия Кулаковых, согласно которой доносчиком выступил человек по прозвищу *Верес дикой*, не получает подтверждения). То ли фраза Доморощенова о вероятном «грехе» Лампеи, то ли видимая разница в тяжести наказания за исполнение одной и той же частушки стала поводом для распространения среди жителей Мегры мнения, что не кто иной, как сама Лампея, которая была привлечена к ответственности вместе с Кулаковым, и «подложила» Ефима Васильевича.

Не знаю, вот она скорей и посадила за частушку, а не она спела. Она посадила-то. Она-то вряд ли наверное сидела. Это уже перевёрт! ‹…› Я ее хорошо помню. Она-она это Кулакова отправила на Колыму. Лампея. Так что в Ручьях вам неправильно дали. Правда, может и она за что сидела. Но частушку-то спел он, а она его [посадила][28].

Во время нашей экспедиции 2013 года Е. В. Третьякову в Ручьях многие хорошо помнили и охотно о ней рассказывали — в основном с теми же интонациями, что и автор рассказа «Бессонница»: сочувственно и с любованием ее одаренностью. Приведем диалог с одной из наших собеседниц, в семье которой она несколько десятилетий назад нянчила детей:

У ней, конечно, тяжелая жизнь. Она на ходу составляла частушки про людей. ‹…› За частушку уж в тюрьму ее посадили. [Да, за какую?] А вот как будто про Сталина спела, так. О правлении Сталина. Кто донес, нажаловался и посадили. [Это она вам

[25] Государственный архив Архангельской области. Ф. 4994, оп. 2, д. 4863. (Материалы дела Е. В. Третьяковой.)

[26] Здесь и далее в архивной справке имена свидетелей заменены отточиями.

[27] Государственный архив Архангельской области. Ф. 4994, оп. 2, д. 4863. (Материалы дела Е. В. Третьяковой.)

[28] КНН, м. Дер. Мегра Приморского р-на Архангельской обл., записала А. И. Васкул. 23.07.2013.

рассказывала? А кто донес, интересно?] У нас здесь много. Ничего нельзя было про Сталина составлять. Чего-нибудь это составят — донесут и садят. [В тюрьме сидела, за что?] Вот за частушки. Раньше ведь (так она старая была) про какое-нибудь правительство... Раньше ведь строго было. Слово сказать нельзя было, не то что. ‹...› Раньше ведь против правительства скажут слово — заложат, и все. Не надо там было больше никаких доказательств. Раньше частушку-то пели шепотом. Услышат, донесут — приедут моментом[29].

Между тем, если предположить, что локальная память об истории репрессии Ефима и Лампеи за исполнение политического фольклора была инспирирована или, по крайней мере, оживлена и легитимирована журналистскими публикациями Доморощенова, то надо заметить, что жители двух деревень вычитали в них разное. Версия о доносительстве Третьяковой, хорошо усвоенная жителями Мегры, где жил Ефим, ни разу не была зафиксирована нами в Ручьях: в родной деревне Лампеи о ней сохраняют добрую память и рассказывают, как о безвинно пострадавшей «за частушку».

Литература

Азбелев, С. Н. (1999). Из подлинного фольклора советского периода. В А. В. Кулагина (Сост.). *Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. Т. 2. Политические частушки,* 483–488. М.: Ладомир.

Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2016). Границы опасного: советская власть в поисках «скрытых транскриптов». В А. С. Архипова, Д. А. Радченко, А. С. Титков (Сост.). Городские тексты и практики. Т. 1. Символическое сопротивление: коллективная монография, 24–46. М.: Дело.

Архипова, А. С., Мельниченко, М. А. (2010). *Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования*. М.: ОГИ; РГГУ. («Нация и культура / Новые исследования: фольклор»).

Архипова, А. С., Неклюдов, С. Ю. (2010). Фольклор и власть в закрытом обществе. *Новое литературное обозрение*, *2010*(101), 84–103.

Венгеров, Н. (1922). Фельетон деревни. *Культура и жизнь, 1922*(1), 22–27.

Веселый, А. (1935). Колхозная частушка. *Литературный критик*, *1935*(1), 148–153.

Войтоловский, Л. (1918, 11 ноября [29 октября]). Солдатские частушки. *Киевская мысль, 1918*(211), 3.

Данилов, В., Маннинг, Р., Виола, Л. (2002). *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 4. 1934–1936*. М.: РОССПЭН.

Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период. *Литература и марксизм*, *1931*(5), 91–114.

Доморощенов, С. (1992). Обманул товарищ Сталин… В С. Доморощенов. *Низкий поклон. Сборник очерков о мезенцах и пинежанах, жертвах сталинских репрессий*, 1–5. Архангельск.

Доморощенов, С. (2004). Бессонница. В С. Доморощенов. *Разбитое зеркало: сборник рассказов*, 4–23. Архангельск.

Жаров, А. (1923). *Красная тальянка. Избранные деревенские частушки*. М.

Жиркевич, А. В. (2007). *Потревоженные тени... Симбирский дневник*. М.: Этерна-принт.

Зеленин, Д. К. (1999). Современная русская частушка В Т. Г. Иванова (Сост.). *Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. Т. 2. Политические частушки*. 459–482. М.: Ладомир.

Козлов, В. А. (Ред.). (1999). *58.10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953–1991. Россия, XX век. Документы*. М.: РОССПЭН.

Колпакова, Н. П. (1934). Новая частушка в колхозах Беломорья. *Резец*, *1934*(20), 22.

[29] АРФ, ж. Дер. Ручьи Мезенского р-на Архангельской обл., 19.07.2013, записала А. И. Васкул.

Комелина, Н. Г. (2013). Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома. В А. А. Панченко (Ред.). *Русский политический фольклор: Исследования и публикации*, 306–401. М.: Новое издательство.

Князев, В. (1924). *Современные частушки 1917–1922*. М., Пг.

Малов, Ф. (1927). Частушка в цифрах. *Советское искусство*, *1927*(1), 44–45.

Мельниченко, М. А. (2014). *Советский анекдот. Указатель сюжетов*. М.: Новое литературное обозрение.

Лурье, М. Л. (2011). Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях). *Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика»*, *2011*(9), 124–141.

Лурье, М. Л. (Ред.). (2019). *Фольклор без фольклористов.* [Т. 1]: *Рукописные альбомы и любительские собрания частушек первой трети XX века.* М.: РГГУ.

Ончуков, Н. Е. (1925). Что и как записывать по народному творчеству. *Краеведение*, *1925* (3–4), 269–284.

Правда Севера (1990, 11 ноября).

Розенфельд, Б. Л. (1929). К вопросу о происхождении и бытовании жанра современной частушки. *Художественный фольклор*, *1929*(IV–V), 172–192.

Семеновский, Д. (1921). Современные частушки. *Красная новь*, *1921*(1), 53–61.

Соколов, Б. М., Соколов, Ю. М. (1926). *Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности*. М.

Стратен, В. В. (1927). Творчество городской улицы. *Художественный фольклор*, *1927*(II–III), 144–164.

Фахретдинов, Р. И. (2014). *Песни на фронтах Гражданской войны в России: особенности функционирования. Диссертация на соискание степени магистра.* Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет антропологии. СПб.

Худовекова, В. А., Худовеков, А. В. (2008). *Ручьевское общество. Страницы истории. Вып. 2. Альманах по истории деревень Ручьи, Вазица, Мегра, Ручейки, Чубала.* Архангельск: Третьяков фонд.

Ярхо, Б. И. (1984). Соотношение форм в русской частушке. В В. Е. Холшевников. *Проблемы теории стиха*, 137–167. Л.: Наука.

References

Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2016). The boundaries of danger: Soviet authorities in search of "hidden transcripts". In A. Arkhipova, D. Radchenko, A. Titkov (Compl.). *Urban texts and practices. Vol. 1. Symbolic resistance: A collective monograph,* 24–46. Moscow: Delo. (In Russian).

Arkhipova, A., Melnichenko, M. (2010). *Jokes about Stalin. Texts, commentary, research*. Moscow: Obyedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo; Rossijskij gosudarstvenniy gumanitarniy universitet. ("Nation and culture/New studies: Folklore"). (In Russian).

Arkhipova, A., Neklyudov, S. (2010). Folklore and state power in a restricted society. *New literary observer, 2010*(101), 84–103. (In Russian).

Azbelev, S. (1999). From genuine folklore of the Soviet era. In A. Kulagina (Compl.). *Forbidden ditties from A. D. Volkov's collection. Vol. 2. Political ditties,* 483–488. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (2002). *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. Documents and materials, 4. 1934–1936*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Discussion on the meaning of folklore and folklore studies in the period of reconstruction. *Literatura i marksizm, 1931*(5), 91–114. (In Russian).

Domoroschenov, S. (1992). "Comrade Stalin has deceived me…". In S. Domoroschenov. *Deepest reverence. A collection of essays on Stalinist purges victims of Mezen' and Pinega regions*, 1–5. Arkhangelsk. (In Russian).

Domoroschenov, S. (2004). Insomnia. In S. Domoroschenov. *Broken mirror: A collection of short stories,* 4–23. Arkhangelsk. (In Russian).

Fakhretdinov, R. (2014). *Songs at the fronts of the Civil war in Russia: Peculiarities of their functioning* (MA dissertation). European University at Saint Petersburg, Department of Anthropology. Saint Petersburg. (In Russian).

Khudovekova, V., Khudovekov, A. (2008). *The Ruchyi society. The pages of history. Issue 2. An almanac on the history of the villages Ruchyi, Vazitsa, Megra, Rucheyki, Chubala.* Arkhangelsk: Tretyakov fond. (In Russian).

Knyazev, V. (1924). *Contemporary ditties 1917–1922.* Moscow, Petrograd. (In Russian).

Kolpakova, N. (1934). The new ditty in kolkhozes of the White Sea region. *Rezets*, *1934*(20), 22. (In Russian).

Komelina, N. (2013). Political folklore from the "special storage" of the Pushkin House folklore collection. In A. Panchenko (Ed.). *Russian political folklore: Research and publications,* 306–401. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Kozlov, V. (Ed.). (1999). *58.10. Review proceedings of the USSR procurator's office on the trials for anti-Soviet propaganda: Annotated catalogue. March 1953–1991. Russia, the 20th century. Documents*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russian).

Lurie, M. (2011). Urban song in the village (from an old discussion on new songs). *RSUH/RGGU Bulletin. "Philology. Literary and Folklore Studies" Series, 2011*(9), 124–141. (In Russian).

Lurie, M. (Ed.). (2019). Folklore without folklorists. Vol. 1: *Handwritten albums and amateur collections of ditties from the first three decades of the 20th century.* Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. (In Russian).

Malov, F. (1927). The ditty in numbers. *Sovetskoe iskusstvo, 1927*(1), 44–45. (In Russian).

Mel'nichenko, M. (2014). *Soviet joke. Plot index.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Onchukov, N. (1925). What and how should be written down on folk art. *Kraevedenie*, *1925*(3–4), 269–284. (In Russian).

Rozenfeld, B. (1929). On the question of the genesis and existence of the contemporary ditty. *Khudozhestvenniy fol'klor*, *1929*(IV–V), 172–192. (In Russian).

Semyonovsky, D. (1921). Contemporary ditties. *Krasnaya nov'*, *1921*(1), 53–61. (In Russian).

Sokolov, B., Sokolov, Yu. (1926). *The village poetry. A guide for collectors of oral literature.* Moscow. (In Russian).

Straten, V. Creativity of the urban street. *Khudozhestvennyi fol'klor, 1927*(II–III), 144–164. (In Russian).

The Northern truth (November 11, 1990). (In Russian).

Vengerov, N. (1922). A village sketch. *Kultura i zhizn, 1922*(1), 22–27. (In Russian).

Vesyolyj, A. (1935). The kolkhoz ditty. *Literaturniy kritik, 1935*(1), 148–153. (In Russian).

Voytolovsky, L. (1918, November, 11 [October, 29]). Army ditties. *Kievskaya mysl', 1918*(211), 3. (In Russian).

Yarkho, B. (1984). The correspondence of forms in the Russian ditty. In V. Kholshevnikov. *Problems of poetic theory*, 137–167. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Zelenin, D. (1999). The contemporary Russian ditty. In T. Ivanova (Compl.). *Forbidden ditties from A. D. Volkov's collection. Vol. 2. Political ditties.* 459–482. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Zharov, A. (1923). *The red accordion. Selected village ditties.* Moscow. (In Russian).

Zhirkevich, A. (2007). *Disturbed shadows… Simbirsk diary.* Moscow: Eterna-print. (In Russian).